

А. В. Волков

БИБЛЕЙСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В «КЕЛЕЙНОМ ЛЕТОПИСЦЕ» ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО: ЗАПАДНЫЕ ИСТОЧНИКИ

DOI 10.31860/2712-7591-2020-1-153-156

«Келейный летописец» первоначально задумывался Дмитрием Ростовским как пособие по библейской хронологии. Со временем замысел этого труда расширился, и в конечном итоге «Келейный летописец» превратился в произведение синтетического жанра, объединяющее в себе черты хронографа, толкования на Священное Писание и свода дидактических наставлений; помимо Священной истории в нем рассматривается также светская (Древний Восток и античность). Неизменным остался просветительский посыл, заложенный в «Келейном летописце» изначально.

Дмитрий Ростовский не довел «Келейный летописец» до окончания; черновые рукописи не сохранились — согласно завещанию митрополита они были положены ему в гроб вместо стружек. «Келейный летописец» в том виде, в котором он дошел до нас, представляет собой изложение Книги Бытия с 1-й по 31-ю главы, снабженное многочисленными толкованиями, еще более многочисленными нравоучениями, а также экскурсами в светскую историю. Поскольку тексты Священного Писания насыщены топонимами, то и Дмитрий Ростовский в «Келейном летописце» не мог пройти мимо вопросов библейской географии. В келейной библиотеке Дмитрия Ростовского было не так много изданий по географии; среди них необходимо особо выделить труд, посвященный собственно библейской географии —

© А. В. Волков, 2020

это «Обозрение Святой земли и библейских историй» (*Theatrum terrae sanctae et biblicarum historiarum*) голландского католического теолога Христиана Адрихомиа; святителю принадлежало издание этого труда, вышедшее в Кельне в 1600 г. Географические аспекты затрагиваются и во многих работах богословского и хронографического характера, к которым обращался Димитрий Ростовский, — это многотомные библейские комментарии голландского иезуита Корнелия а Лапиде, «Синописис» византийского хрониста Георгия Кедрина, сочинения европейских историографов XV–XVI вв.: итальянца Иакова Бергамского, немца Иоанна Навклира и других.

Первый рассмотренный в «Келейном летописце» вопрос, который можно назвать географическим, — существование и местоположение земного рая, в котором находился Адам после его сотворения Богом. Впрочем, говоря о местоположении рая, святитель просто повторяет указание, приводимое в Книге Бытия: «на востоке». Более подробно он останавливается на вопросе, существует ли рай поныне и сохранился ли он после Всемирного потопа. Данный пассаж основан на «Комментариях к Книге Бытия» Корнелия а Лапиде. Голландский автор излагает две точки зрения на этот счет: первая принадлежит главным образом отцам Церкви (Иустин Философ, Тертуллиан, Епифаний Кипрский, Августин, Иоанн Дамаскин, Фома Аквинский, Ириней) и состоит в том, что земной рай сохранился после потопа; среди авторов, придерживающихся противоположного мнения, Корнелий перечисляет целый ряд европейских католических теологов XV–XVII вв. (Олеастр, Евгубин, Катарин, Перерий, Янсений, Франсиско Суарес, Браш Вьегаш и др.). Димитрий Ростовский по этому вопросу однозначно разделяет мнение отцов Церкви, которые обладают для него несравненно большим авторитетом, нежели католические богословы. Кроме того, для доказательства существования земного рая святитель прибегает к своему излюбленному приему: ссылкой на жития святых, в данном случае — Иоанна Златоуста и мученицы Доротеи.

Далее Димитрий Ростовский касается вопроса о местопребывании Адама и Евы после изгнания из рая. По этой теме основным источником для святителя служит «Обозрение Святой земли» Христиана Адрихомиа, откуда заимствованы сведения о переселении Адама на «поле Дамасково» (где он был создан) близ Хеврона, а также довольно подробное описание этой местности. Дополняются эти сведения обращением к «Комментариям» Корнелия а Лапиде, откуда заимствованы ссылка на блаженного Иеронима («О положении и названиях еврейских местностей») и этимология данного географического названия. При этом Димитрий Ростовский отмечает, что «поле Дамасково» не имеет отношения к городу Дамаску, по пути в который

произошло обращение апостола Павла; упоминание апостола Павла призвано лишний раз внушить читателю благочестивые чувства.

Еще одним вопросом, который рассматривает Дмитрий Ростовский, является место захоронения Адама. Сам святитель разделяет мнение о погребении его в мраморной гробнице близ Хеврона, высказанное «Егисиппом» — то есть Псевдо-Гегесиппом, анонимным автором IV в., переработавшим «Иудейскую войну» Иосифа Флавия; непосредственными же источниками для Дмитрия Ростовского послужили «Хроника» Иоанна Навклира и «Собрание хроник» Иакова Бергамского, в данном фрагменте текстуально близкие друг к другу. Касается святитель и точки зрения о погребении Адама на Голгофе, ссылаясь на «Синописис» Георгия Кедрина. Однако предпочтительной Дмитрий Ростовский признает версию, что мощи Адама были взяты Ноем на ковчег, а после потопа разделены между его сыновьями; череп достался Симу, который впоследствии похоронил его на Голгофе. В тексте «Келейного летописца» данное мнение изложено как принадлежащее Иакову Эдесскому, а в маргиналиях приведена ссылка на Корнелия а Лапиде, для которого непосредственным источником, в свою очередь, послужило сочинение «О рае» сирийского епископа Моисея бар-Кефа (ум. 913), однако у Дмитрия Ростовского это обстоятельство никак не отражено. Главная цель, с которой святитель излагает сюжет с погребением головы Адама на Голгофе, состоит в том, чтобы напомнить читателю о крестной муке Спасителя.

Большинство библейских топонимов Дмитрий Ростовский воспроизводит, никак не комментируя. Исключения составляют те случаи, когда у читателя могла возникнуть путаница или же когда географические сведения могли послужить отправной точкой для нравоучения. Примером первого случая являются рассуждения святителя о тождественности Салима и Иерусалима, поводом для которых служит упоминание Мельхиседека, царя Салимского. Основываясь на уже упомянутых «Комментариях» Корнелия а Лапиде (со ссылкой на блаженного Иеронима) и «Обозрении Святой земли» Адрихомия, святитель приходит к выводу, что это разные города, однако Мелхиседек может иметь отношение к основанию Иерусалима. Также святитель затрагивает этимологию названия «Иерусалим», возводя его к греческому «святой» и еврейскому «мир».

Поводом к пространным нравоучительным рассуждениям для Дмитрия Ростовского служит история Содома и Гоморры, в том числе и ее географические аспекты. Святитель рисует яркую и выразительную, основанную прежде всего на житии священномученика Пиония и беседе Иоанна Златоуста на I-е Послание апостола Павла к Солунянам картину превращения некогда

цветущей страны в пустыню. Следующий далее пассаж о Мертвом море, своим естественно-научным характером контрастирующий с выдержками из Четьих Миней и Иоанна Златоуста, основан на «Синописе» Георгия Кедрина и «Обозрении Святой земли» Адрихомия; из довольно пространных сведений, которые оба автора сообщают о Мертвом море, святитель вычленил только те, которые можно использовать в назидательных целях. Описание разоренного Содома завершается сопоставлением его с душой грешника и призывом к покаянию. Наконец, у Адрихомия Димитрий Ростовский заимствует описание соляного столпа, в который превратилась жена Лота во время бегства из Содома.

Сведения по библейской географии, содержащиеся в «Келейном летописце» Димитрия Ростовского, не очень многочисленны, однако их использование наглядно иллюстрирует как принципы работы святителя с источниками, так и основную направленность его сочинения. Выдержки из сочинений европейских авторов Димитрий Ростовский заимствует избирательно, не перегружая свой текст мелкими подробностями и многоступенчатыми отсылками, как это зачастую бывает в его первоисточниках. Основной заботой святителя было отнюдь не блеснуть ученостью; «Келейный летописец» создавался в расчете на читателя, поэтому Димитрий Ростовский стремился сделать свой текст доступным для восприятия, увлекательным и полезным.